

Эра
Зиганшина

ВЫРУЧАЕТ МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

С заслуженной артисткой России Эрой Зиганшиной мы встретились в Санкт-Петербургском молодежном театре на Фонтанке. Заначивались гастролы спектакля «Башмачкин» московского агентства «БОГИС», через несколько дней должны были возобновиться репетиции пьесы Анибалле Ручелло «Фердинандо», которую ставит Роман Виктюк. На одну из главных ролей приглашена Эра Зиганшина.

Сыграв на питерских сценах десятки ролей, среди которых одна из самых ярких — Арнадина в «Чайке» у Геннадия Опоркова на Камерной сцене «Ленкома», для Москвы она так и осталась загадкой. Хотя по прописке Зиганшина — москвичка, но самые значительные роли сыграны ею в Петербурге. Так складывается жизнь, что Зиганшина все время возвращается в этот город.

— Ленинград — моя жизнь. Это даже не город, это — все! Сюда нельзя приехать как на гастролы и что-то оценивать посторонним взглядом. Здесь моя семья, мои дети, мои роли. Лучшие годы. Теперь уже можно сказать — вся жизнь.

— Эра Горафовна, с чем связан ваш переезд в Москву?

— Москва возникла не потому, что я поменяла свое отношение к Ленинграду. Просто я решила сделать себе подарок и родила сына. Но поскольку родила я его не в молодом возрасте, то он оказался очень умным и не совсем приспособленным к жизни в этом городе. Встал вопрос даже не здоровья — жизни ребенка.

— Вы некоторое время работали в театре у Марка Розовского.

— Да, я ему очень благодарна. Он по-доброму, нежно ко мне отнесся. Я прекрасно знала, куда и на что я еду. Розовский же помог мне войти в город, в который после определенного возраста лучше не приезжать. И он дал возможность сделать это достойно и спокойно. И потом мы расстались.

— Мне кажется, что с Москвой у вас не сложилось сознательно. Вы — питерская актриса.

— Питерская актриса... Вы знаете, я этим горжусь. Хотя я убеждена, если что-то будет суждено сыграть в Москве, то это будет хорошо.

Но сейчас что-то обретать, вливаться в какой-то коллектив для меня невозможно. Даже вредно. Наверное, я не так понимаю что-то во времени. И потом у меня в Ленинграде были дивная актерская семья и прекрасный режиссер — Геннадий Михайлович Опорков. Когда его не стало, я попробовала поменять «семью» и ушла в Академический театр комедии. Там мне были открыты все возможности, я очень любила Зойку в «Зойкиной квартире». Хороший был спектакль. Но по тем временам «семьи» у меня там не получилось. И к Розовскому я ехала не за «семьей», а из-за тех обстоятельств, которые возникли в процессе роста ребенка. Казалось бы, прошел тот острый период, сыну исполнилось десять лет и можно было бы подумать о возвращении в Ленинград, где меня любят и, надеюсь, ждут. В отличие от Москвы, где нет нараспашку открытых дверей и никто не кричит: «Зиганшина, сюда».

Я благодарна судьбе за то, что я — приглашаемая актриса. И пока Богу угодно так — я не думаю о том, что будет потом. Вот сейчас я живу только одним — «Фердинандо». Роль грандиозная. И потом, Виктюк так репетирует! Мне казалось, что после смерти Опоркова я уже никогда не испытываю счастья на репетициях. Очень рада встрече с Виктюком. Это пусть театроведы спорят: его время прошло или не его. Меня это не интересует, наверное,

только потому, что сама стараясь не заглядывать в завтрашний день.

— То, что предлагает Виктюк, не чуждо вашей актерской природе!

— Сегодня, когда уже прошел год репетиций, я могу сказать, что нет, не чуждо. И даже полезно. Сначала, когда я была приглашена, то так же, как и вы, считала: это — не мой театр. Хотя при всем этом я всегда считала, что мне судьбой недодано ролей, в которых пластика имеет решающее значение. Я играла роли драматические, трагические, сельские, городские, какие угодно. Всегда говорила Опоркову: «Ну давай что-нибудь поставим, пока я еще могу петь, танцевать». А он в ответ: «Подожди». Хотя начал он в Ленинграде с прелестного спектакля «Три мушкетера».

Когда мы познакомились с Виктюком, то после первых репетиций я поняла, что это мне может быть интересно. Пластически он решит роль или нет, но это не идет вразрез со всем тем, что я умею, с тем, чему научилась в драматическом театре. Это не губит. Более того, по некоторым репетиционным мгновениям я вижу, что это может быть очень интересная работа.

— При таком «подвешенном» состоянии между Санкт-Петербургом и Москвой удается ли вам что-то посмотреть?

— С этим сложно. У меня очень редко бывает так, чтобы прийти и получить радость от спектакля целиком. На «Орестею» Петра Штайна я шла с опаской, а ушла... без опаски. Мощно, помпезно, холодно и... неинтересно. Очень трудно выразить отношение к соловьевской «Чайке». Я по сей день убеждена, что наша «Чайка»,

«Чайка» Опоркова на сцене «Ленкома», была намного серьезнее, интереснее, тоньше, глубже, если хотите, современнее.

Мне очень симпатичен спектакль Петра Фоменко «Без вины виноватые» в Вахтанговском театре.

А иногда я обращаю внимание на какие-то личные, субъективные моменты. Допустим, я иду в Ленинграде на спектакль «Король Лир» и радуюсь, что Игорь Олегович Горбачев делает на сцене то, что подчас молодым не под силу.

— Как вы ощущаете себя в сегодняшней жизни?

— Наверное, так же, как и все. Но мне не приходится перестраиваться, искать какие-то выходы. Один из моих педагогов как-то сказал: «У тебя мания величия». Через много лет мы встретились, я сказала ему: «Если бы вы знали, как меня выручала эта мания величия».

Как хотите, называйте это качество. Скорее всего, это внутреннее ощущение собственной значимости. Оно пожизненно подкреплялось и подкрепляется изнутри. Я не знаю откуда берется это ощущение. Но мне почему-то кажется, что я не буду сидеть без работы. Я — хорошая актриса, а хорошим артистам расточительно сидеть без работы.

18 июля в Молодежном театре на Фонтанке состоялась премьера «Фердинандо». В роли донны Клотильды — Эра Зиганшина.

Беседу вела
Майя ФОЛКИНШТЕЙН.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ —
МОСКВА.

● Эра Зиганшина в роли донны Клотильды.

Фото Ю. Богатырева.

